

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 94"04/14"(44):82-392

ГРНТИ 03.61.21: Историческая антропология

DOI 10.35231/25419501_2020_4_105

Е.В. Мачульская, А.В. Немирова

Сцена из рыцарского романа «Джауфре» в контексте средневековой истории и культуры Окситании

В статье приводится впервые переведенный на русский язык отрывок из романа «Джауфре» – единственного написанного на окситанском языке произведения, которое относится к артуровскому циклу, и анализируется взаимосвязь текста с характерными особенностями региональной культуры юга Франции XIII в. При дворах феодалов сложился своеобразный этикет, получивший название *cortesia* – «куртуазность». Главными ценностями южного общества были *Pretz* и *Paratge*. *Pretz* – в буквальном смысле «цена», т. е. оценка человека. Стоящий человек – это совершенный рыцарь.

Paratge подразумевает идею равновесия, правильного порядка вещей. Это нечто большее, чем просто честь, благородство, рыцарственность или вежество.

Рыцарю подобало жить, шаг за шагом приближаясь к рыцарскому идеалу. Главной его целью провозглашалось самоусовершенствование – *Melhorar*. Роль рыцарских добродетелей, освещенных в романе, была чрезвычайно велика в жизни окситанских рыцарей, о чем повествуют контекстные исторические источники.

Ключевые слова: исторические источники, Высокое Средневековье, Окситания, рыцарские романы, Джауфре.

Elena V. Machul'skaya, Alina V. Nemirova

An Episode of the "Jaufre" Romance in the Context of Medieval Occitan Culture

The article deals with an episode from the "Jaufre" romance translated from Occitan to Russian for the first time. It is the unique specimen of Occitan text based on Arthurian legendarium that happened to survive till our days. The correlations between the text and some characteristic features of the regional culture of the Southern France in the XIIIth century are analyzed. Main values of the Southern culture were *Pretz* and *Paratge*. *Pretz* means literally «price», but it was the measure of human virtues. The most valuable man was the perfect knight. *Paratge* implies such features as honor, noble mind, but it also includes the ideas of equilibrium, the righteous order of things. A knight ought to live according strict rules, known as *cortesia*, approaching step by step to a chivalrous ideal. Self-perfection (*Melhorar*) was proclaimed the main goal of a knight's life. We can see that these virtues were not an abstraction for Occitan knights by comparing the text of the romance with known historical facts.

© Мачульская Е.В., Немирова А.В., 2020

© Machul'skaya Elena V., Nemirova Alina V., 2020

Key words: Historical sources, High middle Ages, Occitania, chivalric novels, Jaufre.

Роман «Джауфре» представляет собой стихотворный текст, в нем насчитывают 10 956 восьмисложных строк. По содержанию он относится к артуровскому циклу; в настоящее время это единственное произведение этого сюжетного круга на окситанском языке.

Окситанский язык принадлежит к романской семье языков; на нем издревле говорили (и говорят до сих пор) на юге Франции. Под названием Окситании ныне объединяют две разные и по климату, и по историческим судьбам области: Прованс (юго-восточная часть) – бывшая древнеримская провинция, т. е. Нарбоннская Галлия и Лангедок. Это последнее название появилось достаточно поздно. В латинских административных документах, составленных в 1290-е гг., выражение *lingua de oc* относилось не к языку, а к людям той области, где на нем говорили. Латинское выражение *lingua occitana* появилось в 1302 г. Данте Алигьери применил это понятие в своем трактате «*De vulgari eloquentia*», чтобы провести различие между тремя родственными языками по употреблению утвердительной частицы *oc* («да») в окситанском, *oil* – во французском и *si* – в итальянском. Существительное *occitan* появилось уже в XIX в. благодаря поэту Фредерику Мистрально (1830–1914). Название «окситанский» точнее, чем традиционное «провансальский», наводящее на мысль только о Провансе, без учета региона, лежащего по правую сторону Роны [1, с. 5–13]. Но как бы то ни было, сегодня ни об окситанском, ни о провансальском языке не знает даже всеведущий гугл-переводчик...

Между тем Окситания – позабытая родина рыцарства и культа Прекрасной Дамы – в течение относительно краткого периода Средних веков могла похвалиться обширной и разнообразной литературой, от которой до наших дней дошла в основном поэзия трубадуров; это было единое культурное поле, захватывавшее и соседние регионы, и потому название языка, которым здесь пользовались, менялось в зависимости от контекста и географии. Испанцы и каталонцы называли его лимузинским (*lemosí*), ведь в лимузинском аббатстве Св. Марциала обучались многие известные трубадуры. В Италии сохранилось название *provenzale*. А сами трубадуры называли свой язык *proensal* или просто *romanz* – т. е. «светский», противопоставляя его латыни [1, с. 5].

Роман «Джауфре» выделяется и размерами, и содержанием. Главный герой Джауфре, сын Досона, отождествляется с Жирфлетом, одним из рыцарей Круглого стола. Однако от большинства романов этого типа данный отличается прежде всего заметной юмористической, сниженной трактовкой двора короля Артура и обилием конкретных реалистических деталей.

Автор произведения неизвестен, датируют текст концом XII – началом XIII в. Большинство специалистов склоняется к более поздней дате – от 1213 до 1230 гг. [2, с. 26]. Эта датировка весьма существенна для правильного понимания сути и смысла «странного» романа.

Указанные годы были тяжелым, сокрушительным испытанием для южной Франции. Этот край, называемый также Югом Благословенным, предали огню и буквально утопили в крови – по политическим и экономическим соображениям.

Многие сегодня восхищаются японской культурой, приходя в восторг от удивительного сочетания в ней вещей, вроде бы несочетаемых, – силы и утонченности. Но мало кто знает, что не менее яркая культура, в которой изысканность манер ценилась наравне с доблестью, проявленной на поле боя, а умение слагать песни прекрасно сочеталась с искусством владения оружием, существовала и в Европе.

В силу исторических обстоятельств южные земли надолго оказались независимы от Парижа, на них сформировались фактически самостоятельные государства. В этих краях сходились многие торговые пути, сюда везли толедские клинки, кордовские кожи и мосульские шелка, вывозили пшеницу, вина, соль, шерсть... И между собой вполне уживались люди разных наций и религий. Например, в знаменитой школе Монпелье спокойно преподавали арабские и еврейские ученые [3, с. 15].

При дворцах (*corts*) феодалов юга Франции сложился своеобразный этикет, получивший название *cortesia* – «куртуазность». Там трубадуры в своих песнях прославляли весну, молодость, любовь, рыцарскую доблесть и благородство [1, с. 31].

Тулуза, столица обширного и богатого графства, еще во времена Рима слывшая городом риториков и поэтов, своим могуществом и блеском превосходила Париж. А граф Тулузский, принадлежавший к одному из самых знаменитых родов Европы, был могущественным христиан-

ским государем, но не единоличным правителем Лангедока. С его владениями соседствовали земли виконтов Тренкавелей. Их город Каркассон был настоящей жемчужиной куртуазного юга. А владетели горного графства Фуа состояли в родстве с легендарным Эль Сидом: один из графов Фуа в свое время женился на Химене Барселонской, внучке Родриго де Вивара [3, с. 8–14].

Бароны Северной Европы давно с завистью смотрели на богатые южные земли и города. Для того чтобы поставить гордый юг на место, нужен был лишь повод. И он наконец появился: в январе 1208 г. на берегу Роны был убит Пьер де Кастельно – легат папы римского, который с первого дня пребывания на юге всем, что говорил и делал, добивался для себя именно такого финала. Иннокентий III немедленно объявил крестовый поход против южных земель, чтобы искоренить ересь, которая якобы расцвела там пышным цветом. Да, в землях Лангедока действительно хватало катаров, последователей учения, называвшего весь материальный земной мир царством победившего зла. Неудивительно, что их слова находили отклик в душах людей, стремившихся к неземному.

В июле 1209 г. в Лангедок устремилась огромная армия из северных регионов Франции, Бельгии, Голландии, Германии, Англии и даже Скандинавии. Для рыцарства юга настал момент проверить прочность своих идеалов на деле. Не все, но удивительно многие (если учесть тяжесть обстоятельств) остались им верны [3, с. 39–45].

Самым ярким примером такой верности служит история виконта Раймона-Роже Тренкавеля. Крестоносцы, осадившие Каркассон, предложили ему беспрепятственно покинуть город в сопровождении двадцати рыцарей. Он ответил отказом. А когда ситуация стала безнадежной (осажденным перекрыли доступ к реке), поступил с точностью до наоборот: спас тех, кому обещал свою защиту, ценой собственной жизни, сдавшись крестоносцам в обмен на свободный выход для всех жителей Каркассона [3, с. 45].

Окситанская трагедия длилась несколько десятилетий. Начатое отцами противостояние продолжили их сыновья. Цветущий край был опустошен, превратился в разграбленную, распятую землю. Местную знать практически полностью лишили фьефов в пользу северных баронов. Многие окситанские рыцари стали фьейдитами – изгнанниками на

собственной земле. Они устроили захватчикам настоящую партизанскую войну, отказываясь сложить оружие, даже когда для них уже не осталось никакой надежды. Тем не менее земли юга постепенно прибирали к рукам французские короли. После смерти Раймонда VII графство Тулузское перешло в руки Альфонса де Пуатье, мужа единственной дочери последнего графа. Оба супруга умерли в 1271 г., не оставив наследников. И французская корона окончательно присоединила к себе страну, за двадцать лет уже превратившуюся во французскую провинцию, в страну второстепенного значения, колонизованную и эксплуатируемую, административно и интеллектуально подавленную сильной метрополией, блюдущей свои интересы [3, с. 65–74]. Былая слава была тщательно забыта. Ведь историю пишут победители.

Черный пиар появился не сегодня – он возник гораздо раньше, и рыцари юга как раз стали его объектом. Например, в книгах про первый крестовый поход графа Раймонда IV Сен-Жиля повсеместно выставляют алчным персонажем, которого в Святую землю привела исключительно жажда наживы [4, с. 102–103]. Хотя граф Тулузский на тот момент был богатейшим феодалом в Европе, проблем с деньгами не испытывал, и тем не менее первым среди крупных феодалов откликнулся на призыв папы римского отправиться освобождать Гроб Господень, хотя был уже не молод. Он привел с собой самое большое войско и дал обет не возвращаться обратно в свой благословенный край, где у него было все, о чем можно только мечтать [3, с. 20]. Раймонд VI, его правнук, сделавший всё возможное для спасения своей земли от захватчиков, также стал объектом клеветы, его выставляли и трусом, и мошенником, причем даже в книгах, написанных исследователями, чьи симпатии были на стороне юга [3, с. 44].

От враждебных югу летописцев (зато добрых католиков) того времени пошла эта, мягко скажем, необъективная традиция, и поныне окситанских рыцарей в литературе и в кино очень часто показывают «гламурными мальчиками для битья», столь своеобразно интерпретируя куртуазную культуру [5]. Между тем сопоставление поэзии трубадуров с фактами историческими дает совершенно иную картину. В этом отношении анализ романа «Джауфре» особенно интересен. Вернемся к нему.

Песни окситанских трубадуров (точнее, их небольшая часть) сравнительно хорошо известны русскому читателю, но более крупные про-

изведения до сих пор остаются во мраке забвения. Романы северофранцузского автора Кретьена де Труа (ок. 1135–1190), которого называют основоположником куртуазного романа, основателя цикла произведений о короле Артуре, изданы в русском переводе.

Был также переведен и опубликован сохранившийся в единственном экземпляре роман «Фламенка». А «Джауфре» повезло больше: сохранилось четыре рукописи конца XIII и XIV в., да ещё отдельные фрагменты в архивах. В 1530 и 1539 гг. роман был адаптирован в прозе под другими названиями. В 1777 г. прозаический вариант издали ещё раз и тут же перевели на английский язык. Более того, в XVI в. его преобразовали в прозаический текст и регулярно печатали в Испании вплоть до начала XIX в. Во Франции текст вновь издали в 1856 г. (и переиздали в 1876 г.) под названием «*Les Aventures du chevalier Jaufré et de la belle Brunissende*» («Приключения рыцаря Джауфре и прекрасной Бруниссенды») [6].

А вот в русскоязычном культурном пространстве рыцарь Джауфре не появлялся. Есть лишь беглое упоминание о нем в книге Жака Мадюля «Альбигойская драма и судьбы Франции» [3, с. 16]. Сравнивая персонажей двух романов – Джауфре и Персиваля, автор пишет: «И если, к примеру, вы прочитаете южный роман «Джауфре», то увидите, что его дух не очень отличается от духа романов Кретьена де Труа. Артуровский цикл был распространён на Юге не менее, чем на Севере Франции. Между Джауфре и Персевалем, однако, есть одно важное различие: первый много изящнее. Это не грубый галл, постепенно поднимающийся до совершенного усвоения законов рыцарства, но рыцарь с первой минуты» [3, с. 16–17].

Любая эпоха – это не только материальная составляющая – разнообразные артефакты, – но и духовная, которая обычно остается в тени, на заднем плане. То, чем жили люди в те далекие времена, в какие идеалы верили, важно не менее, чем созданные ими вещи. Но у духовной составляющей есть и материальное воплощение – литература. Чтобы объяснить отмеченное Ж. Мадюлем различие, требовалось ознакомиться с исходным текстом.

Большинство упомянутых выше изданий воспроизводило прозаический пересказ романа. А стихотворный оригинал – большая редкость. Продолжительные поиски позволили выяснить, что есть изданная книга «*Jaufré roman occitan du XIIe siècle*», где опубликованы отрывки из этого

романа в транскрипции на современный окситанский с французским подстрочником [7, с. 11–13]. Потом удалось найти скан книги 1844 г. издания, где оригинальный текст приведен полностью [8, с. 109–111]. Благодаря этой находке за год удалось сделать поэтический перевод одного интересного отрывка из этого романа (строки 5269–5440, перевод подстрочника – Алина Немирова (Харьков), поэтический перевод – Елена Мачульская (Омск)).

Сюжет романа таков: Джауфре, недавно посвящённый в рыцари, должен пройти испытание, чтобы доказать свою доблесть. Юноше поручают важную миссию: найти и победить некоего негодяя, который оскорбил короля, осмелившись в его присутствии при дворе убить одного из рыцарей. Выполнение этой миссии, однако, затрудняется многими препятствиями, требующими преодоления. Чистый душой, герой все же не совершенен: он наивен, порой поддается гордыне и теряется, столкнувшись с проявлениями сверхъестественного или с любовью. Он и в самом деле похож на Персиваля. Всё идет по достаточно традиционной схеме, пока не случается встреча, при описании которой неизвестный автор забывает о юморе и иронии. В использованном нами источнике этой части истории дан заголовок «Lo cavalièr negre» («Чёрный рыцарь»).

Свой путь продолжил Джауфре,
И вот увидел вдалеке
Он крест часовни небольшой:
Служил отшельник там святой,
В честь Троицы храм строен был.
Вдруг рыцарь выехал из тьмы
Верхом на черном скакуне,
Копье и щит – угля черней,
Темнее темноты ночной.
В молчании он начал бой. (1)
Его удар неотвратим,
Стремителен, неудержим.
И оказался на земле
В одно мгновенье Джауфре.
Он встал, сгорая от стыда, –
Так не бывало никогда!

Он меч рванул из ножен вмиг,
Шагнул вперед и поднял щит.
Но перед ним лишь ночи мрак –
Неведомо, где скрылся враг.
Что здесь по сторонам глядеть?
Уже нет рыцаря нигде.
Лишь темнота и тишина,
И леса черная стена.
«Мой Бог! – воскликнул Джауфре. –
Куда противник мой исчез?»
Но только лишь он сел в седло,
Явился черный рыцарь вновь
И снова на него напал.
Но боя этого желал
Отважный рыцарь Джауфре.
Врага заметить он успел
И тут же устремился в бой.
Как молния помчался конь.
Удар, еще... Верна рука
И каждый спешить смог врага.
Что ж, значит всё мечи решат!
С тем, кто поверг его, сейчас
Он рассчитается сполна...
Но тьма вокруг и тишина.
И на дороге нет следов.
Как будто сном был рыцарь тот
И ниоткуда здесь возник...
То не понять, не объяснить.
«Что за насмешка, Боже мой!
Мой враг смеется надо мной!
Куда он здесь успел сбежать?
И где теперь его искать?»
Как сон дурной растаял вмиг...
Он вновь по сторонам глядит,
Потом садится на коня,
И тут же тенью по теням
Вновь устремился на него

Его противник, враг его.
Он словно дикий зверь рычал,
Но только по седлу попал.
А Джауфре ответил так,
Что наземь повалился враг.
Насквозь пронзен его копьем –
Видны полдревка с острием.
Но, сам не удержась в седле,
Вмиг оказался на земле. (2)
Сейчас окончен будет спор!
Но вновь пред ним нет никого...
Лишь лес в молчании своем
Да на лесной тропе копье...
«Святая Дева, дай мне знак
Где скрылся мой бесчестный враг! –
Рек Джауфре. – Мое копье
Насквозь пробило грудь его,
Его с коня я наземь сбил,
Но не могу теперь найти!
Такой войны не видел свет!
Его нигде, нигде здесь нет!
Где он таится? Под землей?
К тебе взываю, Дух Святой!»
Итак, он снова сел в седло,
Но пользы то не принесло –
Вновь черный рыцарь перед ним!
Как быть с противником таким?
Та схватка краткою была –
Он снова выбит из седла.
И повторялось вновь и вновь
Все прежде бывшее в ту ночь.
Он до рассвета бился так:
Исчезнув, вновь являлся враг,
На землю Джауфре сбивал,
И вновь во мраке исчезал.
Как будто ныне сон дурной
Стал явью чьей-то волей злой.

Все той же схватке нет конца,
И Джауфре решил тогда
К часовне той идти пешком,
Раз не пробиться к ней верхом.
Он в руку взял свое копье
И под уздцы коня повел,
Но враг дорогу преградил –
Теперь он тоже пешим был.
А ночь темна, глуха, черна –
Всю ночь за тучами луна.
Шагов врага не услышать,
И остается только ждать,
Копье на меч переменяв.
Не медлил враг, на шлем и щит
Такой удар обрушил он,
Что Джауфре с большим трудом
Смог устоять. Ответный дар
Не хуже был, чем тот удар.
Он разрубил врагу плечо
И треть щита срубил еще.
Но что с того? Враг невредим –
Все также свеж, неутомим,
Как будто не был ранен он,
И тот же длится странный сон. (3)
Но этот бой – не сон, а явь
И все труднее устоять.
Противник посчитался с ним,
Ударом яростным своим
Упасть заставив. Но с колен
Тотчас поднялся Джауфре
И тут же сам врага поверг,
Обрушив меч на черный шлем,
И даже разрубил его,
Но снова проку нет с того.
Все тяжелей доспех и щит,
Все яростней звенят мечи.
Но все напрасно: в схватке той

Не может победить никто.
Со сталью тщетно спорит сталь –
Напрасен здесь любой удар.
И даже отложив мечи
Им в рукопашной не решить,
Кто победил, кто побежден –
Их спор не кончен, не решен...
Удары сыплются как град,
И содрогнулся ночи мрак.
Никто таких не видел битв!
Святого старца от молитв
Шум боя все-таки отвлек.
Он взял оружие свое –
Святую воду, крест Христов –
И, помолившись, за порог
Шагнул в ночную темноту,
Где новое нечистый дух
Измыслил верно в этот раз,
Ему вновь досадить стремясь...
Пошел навстречу духу тьмы,
Читал молитвы и псалмы,
И окроплял святой водой
Тропу лесную пред собой.
И черный рыцарь закричал,
Его увидев, и бежал
Так быстро, как он только мог...
И хлынул дождь, и грянул гром,
Такая буря поднялась...
И так же пламенно молясь,
Повел отшельник Джауфре
В часовню на лесном холме. (4)

Комментарии

(1) На первый взгляд, сюжет выглядит классическим. Черный рыцарь фигурирует во многих рыцарских романах. Но обычно это просто человек, рыцарь в черных доспехах. Здесь же он существо inferнальное, с весьма нетривиальными свойствами.

В окситанской куртуазной культуре основой всего считалась любовь (Amor): любовь к ближнему и любовь к истине (Vertat). Ведь только благодаря ей можно было достичь идеальной радости (Joi), бывшей отражением божественной гармонии. А главным врагом объявляли зло (Mal). Рыцарь Джауфре встречается как раз с воплощенным злом.

(2) Поединок описан очень детально: автор не обходится общими выражениями и стандартными формулировками. Скорее всего, он сам был рыцарем и писал о том, в чем хорошо разбирался. Ведь в тексте встречаются подробности, которые сторонним зрителям турниров просто неизвестны. Реалистичность деталей создает резкий контраст с мистической сущностью сцены, подчеркивая материальность зла, его присутствие в реальном мире.

(3) Читателю уже становится ясно, что Джауфре повстречался противник, победить которого невозможно в принципе. Но в этом безнадежном бою Джауфре ему ничуть не уступает – сражаются двое равных.

(4) Этот эпизод – аллегория. Быть может, символическое изображение того, как подобает принимать удары судьбы. Но, скорее, он выглядит аллегорией вечного противостояния, происходящего в сердце каждого человека. Главная мысль, которую хочет донести до читателя автор, – как бы ни было сильно зло, ему нельзя поддаваться. Ему нужно противостоять всеми возможными способами. И тогда помощь обязательно будет. Ведь поле боя в итоге осталось за Джауфре. А вот если бы Джауфре сложил оружие, у этой истории был бы совсем другой финал. Точнее, на этом она бы закончилась.

Хотя, как уже сказано выше, точная датировка романа неизвестна, мрачный колорит эпизода, отчаянное напряжение битвы вряд ли могли возникнуть в мирное время. Важно и то, что спасение Джауфре приносит человек, единственным оружием которого является слово веры, молитва. Автор явно хотел показать, что для борьбы со злом только оружия недостаточно.

Сопоставление этого эпизода с другими позволяет найти ответ на часто возникающий у наших современников вопрос: «Насколько реальное поведение рыцарей соответствовало идеалу?» Джауфре отнюдь не лишен недостатков, порой даже смешон, но в решающий момент он ведет себя безупречно. И это было вполне понятно окситанским читателям.

Окситанское рыцарство было действительно уникальным явлением. Для того чтобы стать рыцарем, в земле Ок необязательно было быть благородным по рождению, нужно было иметь благородное сердце. Среди них не было господ и простолюдинов, королей и слуг, только равные люди, которые должны были доказать свои личные качества (Valor) и личную значимость (Pretz) [9, с. 72].

Многие сеньоры Прованса и Лангедока, несомненно, следовали этим принципам. Неслучайно в Первый крестовый поход отправилось столько окситанских рыцарей. Практически все представители рода Тренкавелей участвовали в крестовых походах в Палестине или же в Пиренейской Реконкисте. Известно, к примеру, что Бернард Атон Тренкавель в 1101–1105 гг. воевал с сарацинами в Святой земле, защищая новообразованные королевства крестоносцев [10].

То же самое можно сказать и о графах де Фуа. Раймунд Роже де Фуа в 1191 г. принял участие в Третьем крестовом походе в составе армии Филиппа II Августа, короля Франции, и отличился при осаде Аскалона и взятии Акры [11].

Рыцарь, основавший орден госпитальеров, – Жерар Том, названный Благословенным, – тоже родом из земли Ок. Его последователь, который превратил братство в военный монашеский орден и стал его первым магистром – Раймунд дю Пюи, – знатный сеньор из Прованса [12].

И это только самые известные имена....

Главными ценностями изысканного южного общества были Pretz и Paratge.

Pretz – буквально «цена», то, что придает цену не вещи, не предмету, а человеку. Это его оценка. То есть человек одухотворен неким высоким идеалом, а внешне этот идеал воплощается в его поведении и манерах. Стоящий человек – это совершенный рыцарь.

«Paratge» иногда переводится как «равенство», но это даже в отдаленной степени не передает всего значения этого слова в средневековой Окситании. В отличие от «классических» рыцарских добродетелей, paratge считался присущим любому человеку, вне зависимости от происхождения и сословной принадлежности. Paratge – это мировоззрение, почти философия, столь же чуждая для современного мира, какой она была и для франков-крестоносцев. Это нечто большее, чем честь, куртуазность, благородство, рыцарственность или вежество, хотя все эти понятия, несомненно, связаны с этим концептом. Это

слово также подразумевает идею равновесия, естественного порядка вещей, представления о том, что «правильно».

Посвящение в рыцари фактически было началом долгого пути. Рыцарю подобало жить как должно, шаг за шагом приближаясь к рыцарскому идеалу. Он должен был поставить главной своей целью самоусовершенствование – *Melhorar*, быть верным (*leials*) и отвергать любое вероломство (*Desleialtat*) [9, с. 66–74].

Именно ради торжества должного порядка трудится герой романа, о котором идет речь в этой статье. Ведь Джауфре отправляется в путь, чтобы восстановить справедливость, ответить как подобает неизвестному рыцарю, устроившему безобразную сцену в королевском дворце. В конце концов, после ряда приключений он побеждает много о себе возомнившего рыцаря в поединке и восстанавливает нормальный порядок вещей. Проклятие рассеивается, чудесный замок Монбрун – больше не место печали, а его прекрасная хозяйка становится женой Джауфре.

О поисках Грааля напрямую в тексте никак не упоминается, но этот роман – именно о них. Ведь Грааль – не обязательно нечто материальное.

И готовый ответ на вопрос, как найти Грааль, здесь тоже присутствует. Он, оказывается, очень прост: не оставаться в стороне, когда рядом творится зло. В общем, главную мысль романа можно выразить, несколько перефразируя известное выражение: «Делай, что должно, и всё будет».

Именно всем комплексом понятий, не только книжных, но и внедрившихся в сознание людей, объясняется, почему во время трагических событий, названных «альбигойским крестовым походом», окситанские дворяне, которые в большинстве были католиками, отказались выдать своих подданных на верную смерть. И, похоже, именно поэтому многие решились на безнадежный бой, который одним стоил жизни, другим – владений. В землях Юга Благословенного ценили *leialtat* – верность, в том числе и верность своему долгу, долгу сюзерена. И поступали соответственно.

Список литературы

1. Алисова Т.Б., Плужникова К.Н. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров: учеб. пособие. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 176 с.
2. Purbrick M.A. The medieval Romance of *Jaufre*: a storyteller's perspective / PhD thesis. – Cardiff: Cardiff University, 2019. – 343 с.

3. Мадоль Жак. Альбигойская драма и судьбы Франции. – Изд. Евразия, 2000. – 104 с.
4. Доманин А.А. Крестовые походы. Под сенью креста. – М.: Центрполиграф, 2005. – 431 с.
5. Хаецкая Е.В. Дама Тулуза. – М.: АСТ, 2003. – 382 с.
6. Georges Vicaire. Manuel de l'amateur de livres du XIXe siècle: 1801–1893. Paris, 1894–1920. Vol. 2. – 884 с.
7. Jaufré, adaptation moderne et traduction Claire Torreilles, Université Paul-Valéry, Montpellier. Использован перевод на современный окситанский язык из кн. René Lavaud et René Nelli, Les Troubadours, Desclée de Brouwer, 1960. – 24 с.
8. Raynouard François-Just-Marie (1761–1836). Lexique roman, ou Dictionnaire de la langue des troubadours comparée avec les autres langues de l'Europe latine. 1838–1844. – 680 с.
9. Nouvel A. L'occitan sans peine – Méthode quotidienne Assimil. Assimil, 1975. – 440 с.
10. Dupont A. Le vicomte Bernard-Aton IV (1074–1129) // Mémoires de l'Académie de Nîmes VII. – 1965–1967. – № 56. – P. 153–177.
11. Foundation for Medieval Genealogy: Raymond–Roger, comte de Foix. – URL: <https://fmg.ac/Projects/MedLands/TOULOUSE%20NOBILITY.htm#RaymondRogerFoixdied1223B> (режим доступа: 15.11.2020).
12. The second director of the Hospital Community: Raymond du Puy. – URL: https://blessed-gerard.org/bgt_1_4.htm (режим доступа: 15.11.2020).

References

1. Alisova T.B., Pluzhnikova K.N. *Staroprovansalskij yazyk i poeziya trubadurov: Uchebnoe posobie* [Old provençal language and poetry of the troubadours: a Training manual]. – М.: MAKS Press, 2011. – 176 p.
2. Purbrick M.A. The medieval Romance of Jaufre: a storyteller's perspective / PhD thesis. – Cardiff: Cardiff University, 2019. – 343 p.
3. *Madol Zhak. Albigoiskaya drama I sudby Francii* [Albigensian drama and the fate of France]. – М.: Евразия, 2000. – 104 p.
4. *Domanin A.A. Krestovye pohody. Pod seniu kresta* [The Crusades. Under the shadow of the Cross]. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 431 p.
5. *Haetskaya E.V. Dama Tuluza* [The Lady of Toulouse]. – М., AST, 2003. – 382 p.
6. Georges Vicaire. Manuel de l'amateur de livres du XIXe siècle: 1801–1893. Paris, 1894–1920. Vol. 2. – 884 p.
7. Jaufré, adaptation moderne et traduction Claire Torreilles, Université Paul-Valéry, Montpellier. Used a translation into modern Occitan from the book René Lavaud et René Nelli, Les Troubadours, Desclée de Brouwer, 1960. – 24 p.
8. Raynouard François–Just–Marie (1761–1836). Lexique roman, ou Dictionnaire de la langue des troubadours comparée avec les autres langues de l'Europe latine. 1838–1844. – 680 p.
9. Nouvel A. L'occitan sans peine – Méthode quotidienne Assimil. Assimil, 1975. – 440 p.
10. Dupont A. Le vicomte Bernard-Aton IV (1074–1129) // Mémoires de l'Académie de Nîmes VII. – 1965–1967. – № 56. – P. 153–177.
11. Foundation for Medieval Genealogy: Raymond–Roger, comte de Foix. The electronic source: <https://fmg.ac/Projects/MedLands/TOULOUSE%20NOBILITY.htm#RaymondRogerFoixdied1223B> (Access mode: 15.11.2020).
12. The second director of the Hospital Community: Raymond du Puy. The electronic source: https://blessed-gerard.org/bgt_1_4.htm (Access mode: 15.11.2020).